

УДК 32
ББК 66
К 126

К 126 КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2006. - 359 с.
Второй выпуск ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь внутренне- и внешнеполитическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2004 г. В приложении имеется хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор А. Искандарян
Редколлегия: Н. Искандарян, А. Карагулян, С. Минасян
Дизайн обложки студии «Матит» www.matit.am
Макет и географические карты: студия «Коллаж»

The Caucasus Yearbook. - Yerevan, CMI, 2006. - 359 p.
The second CMI Yearbook sums up year 2004 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Turkey at the Yearly CMI conference. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of domestic and foreign policy, of the Southern and Northern Caucasus. Appendices contain brief chronology, statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor A Iskandaryan
Editorial team: N Iskandaryan, A Karagulyan, S Minasyan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout and maps by Collage

ISBN 99941-2-028-x

ББК 66
© КИСМИ, 2006 г.
© 2006 by Caucasus Media Institute

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	4
<i>Статьи</i>	
А.Искандарян Феномен цветных революций как ядро политического дискурса в странах Южного Кавказа	6
А.Юнусов Азербайджан периода Ильхама Алиева	16
Г.Арешидзе Государственное строительство и правление в новой Грузии	46
С.Золян Это сладкое слово «стабильность». Армения в 2004 г.	87
Л.Арутюнян «Общество ни войны ни мира» и перспективы мирного разрешения карабахского конфликта	104
А.Хачатрян Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа - роль стран региона и внешних сил	111
С.Арутюнов Россия на Северном Кавказе	129
М.Баснукаев Чеченский регион: риторика и реальность	136
А.Скаков Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г.	146
И.Торбаков Изменения в Турции и кавказская политика в 2004 г.	182
Д.Петросян Непризнанные государства Кавказа: тенденции развития	190
<i>Приложения</i>	
Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа	291
2004 год на Кавказе: краткая хронология	297
Книги о Кавказе, вышедшие в 2004 г.	322
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	336
<i>Об авторах</i>	342
<i>Географические карты</i>	343
<i>Примечание редактора</i>	
1. Кавказ. Вид из космоса	344
2. Кавказ. Политико-административная карта	345
3. Кавказ. Этнографическая карта	346
4. Черноморско-каспийский регион	347
Схема трубопроводов	
Contents/Authors/Summary	348
<i>Издания Кавказского института СМИ</i>	352

« »

Карабахский конфликт многое поменял в истории стран Южного Кавказа и региона в целом. Выполнив свою функцию, он вошел в стадию завершения, актуализировав поиски приемлемой формулы конца и путей установления мира в нашем регионе.

Современное понимание мира коренным образом изменилось и вбирает в себя не только легитимное состояние отсутствия вооруженного противостояния между сторонами, соответствующее интересам отдельных государств, ранее находящихся в состоянии войны, но и «нравственный императив, отвечающий интересам мирового сообщества, потребностям мира и безопасности». Таковым должен быть мир и в нашем регионе. В ожидании этого мира Армения и Нагорно-Карабахская Республика преодолели установку на разрешение конфликта применением насилия и сделали многое для избежания насилия между воюющими странами, то есть в принципе признали карабахский конфликт нефункциональным и установили «негативный» мир. На другой стороне конфликта, в Азербайджане, нет негативного мира, и хотя эта страна уже целое десятилетие не воюет, однако она постоянно манифестирует конфликтное поведение, потенциал и желание разрешить конфликт насильственными средствами, показывая, что карабахский конфликт продолжает быть для него актуальным. На этом фоне шансы установления позитивного мира в карабахском конфликте в ближайшем будущем достаточно иллюзорны, особенно если учесть разницу в функциональности конфликта и то, что спор между сторонами пока идет о принципах и моделях. Вывод об иллюзорности заключения мира в карабахском конфликте в ближайшее время основан также на том факте, что международное сообщество не проявляет видимых признаков желания инициировать создание национальных механизмов, структур и фондов, призванных стимулировать приближение интересов конфликтующих сторон и исключить возможность применения насилия при разрешении конфликта.

При объяснении причин и логики сложившегося состояния в

области миротворчества и разрешения карабахского конфликта, как правило, ссылаются на противостояние геополитических интересов в нашем регионе, имеющееся соотношение сил, глубину исторических корней конфликта, недостаточность юридического обоснования приемлемых решений и целый ряд подобных факторов, оставляя в стороне социальные и психологические аспекты разрешения конфликта и установления мира. Между тем, сложившееся состояние дел во многом объясняется состоянием обществ, претерпевающих тяготы карабахского конфликта, парадигмой их социокультурного развития, ролью социальных групп и актеров, тесно соприкасающихся с конфликтом, неготовностью обществ конфликтующих стран к миру и тем, как они реагируют на предложения о мире.

История свидетельствует, что в обществах не преодолевших тень прошедшей войны значительна вероятность консервации в состоянии «ни войны ни мира». И поскольку это состояние охватывает все слагаемые общества и придает особый характер его социокультурному измерению, социальной динамике, способу функционирования и развития, то есть все основания характеризовать это пограничное состояние как особую фазу в циклическом развитии обществ, переживших или готовящихся к войне.

Симптоматика фазы «ни войны ни мира» в принципе доступна. Ее можно распознать по тесному переплетению военного и экономического потенциалов, доминирующему влиянию военного фактора на принятие важнейших решений в сфере политической и социальной жизни, превалированию значимости военного фактора и т.д. Значимой характеристикой фазы «ни войны ни мира» является то, что акценты продолжают ставиться на задачах обороны, а реформирование не рассматривается в качестве приоритетной задачи, поскольку существует страх относительно возможной дестабилизации, связанной с реформацией. Таковы симптомы обнаруживаемые при первом приближении к фазе «ни войны ни мира». Более глубокий анализ состояния обществ находящихся на этой фазе требует применения структурно-функционального, конфликтного и интеракционистического подходов. В частности применение структурно-функционального подхода помогает высветить тот факт, что практически во всех постсоветских обществах, пребывающих в фазе «ни войны ни мира», процессы построения государства и демократического общества оказались практически несовместимым. С этой точки зрения достаточно красноречив пример Армении, в которой темпы демократических перемен, получили ускорение в 1988 г., значительно опе-

режая таковые в других странах постсоветского мира. Однако в 1995 г. не окрепшие ростки демократии были смяты происшедшим откатом к авторитарному правлению, которое характеризовалось грубым силовым давлением на инакомыслящих, запретом оппозиционной партии и оппозиционных газет, жестким подавлением манифестаций и движений протеста, нетерпимостью к политическим противникам. Судя по этим симптомам, в 1995 г. армянское общество вошло в фазу «ни войны ни мира», которая по сути продолжается по сей день. Можно возразить, что в 1998 г. эта фаза завершилась, ибо намечилось некоторое послабление авторитарного режима: был снят запрет на оппозиционную партию, появилась определенная терпимость к политической оппозиции, умножилось число центров власти. Однако этого не произошло, поскольку именно состояние «ни войны ни мира» не оставило места для институтов гражданского общества и не позволило установиться диалогу между политическими силами и различными сегментами общества. Следовательно, некоторое послабление режима авторитаризма в условиях незавершенности карабахского конфликта и в ожидании грядущих мобилизационных задач, по сути, не могло привести к преодолению фазы «ни войны ни мира».

Основываясь на данных социологических исследований, можно утверждать, что социальная структура обществ, вступивших в фазу «ни войны ни мира» бывает атипичной ввиду особо высокой представленности в населении групп военных, лиц, связанных с обеспечением безопасности, а также прошедших войну или перетерпевших прямое влияние войны. Можно предположить, что атипичность социальной структуры порождает атипичность элиты и может усиливать промилитаристические, авторитарные тенденции и настроения в обществе. Таким образом, фаза «ни войны ни мира» является плодородной почвой для поддержания конфликта и авторитаризма. В этой связи сам факт пребывания обществ стран, вовлеченных в карабахский конфликт в фазе «ни войны ни мира» умаляет возможность установления мира путем демократических перемен и перспективы «демократического мира» в карабахском противостоянии.

Не вдаваясь в подробности отметим, что если верить теории «демократического мира», то мир в наш многострадальный регион придет вместе с демократией. Такая уверенность базируется на предположении о том, что «республики менее склонны к войнам, чем монархии», высказанном великим Кантом в работе «Вечный мир» (1795 г.). Отметим, что теория «демократического мира», приписыва-

ющая демократическим странам миролюбие в помыслах и в действиях, основывается на трех постулатах: первый постулат - в демократических странах имеет место высокая политическая культура, которая предохраняет эти страны от искушения добиться мира насильственным путем, второй постулат - в демократических странах распространены нормы ненасильственного поведения, наконец, постулат третий - население демократических стран, высоко ценя достижения своих стран, в процессе демократических выборов не позволит группам, заинтересованным в военных решениях, прийти к власти.

С верой в теорию «демократического мира» западные политики пытаются осуществить демократические перемены в тех или иных странах с целью установления мира. Эта теория играет также роль при поиске путей разрешения карабахского конфликта. Отметим также, что весьма интересный ответ на попытку применить теорию о «демократическом мире» дала Нагорно-Карабахская Республика. Она выделила как минимум две ипостаси демократии и базируясь на них объявила: что во-первых, Карабахская республика является демократической и отвечает ценностям демократии, поэтому имеет право быть независимой и равноправной страной, во-вторых, конфликт должен быть разрешен только на основе демократического волеизъявления карабахского населения. В соответствии с такой трактовкой теории «демократического мира», карабахская общественность по мере возможностей демонстрирует демократизм режима и страны, заявляет о благосклонности к идее проведения референдума или широких исследования общественного мнения в НКР, для того чтобы демократическими средствами выразить волю населения к независимости.

Ограничиваясь вышеизложенным отметим, что учитывая особенности обществ в фазе «ни войны ни мира» трудно рассчитывать на то, что удастся продемонстрировать значительные успехи в процессах демократизации НКР, однако если все же удастся убедить мир в демократизме своих намерений, режима и страны, то это будет означать, что сложившееся в НКР общество нужно квалифицировать как «военную демократию».

Возвращаясь к структурно-функциональному анализу, отметим, что он позволяет проанализировать различные структуры и процессы обществ, вступивших в фазу «ни войны ни мира». Интересен анализ такого общества с точки зрения уровня социальной солидарности.

Один из основоположников социологии Эмиль Дюркгейм под социальной солидарностью понимал динамичное состояние координации, гармонию отношений и процессов в социальной группе любого масштаба. Он считал, что здоровье общества обуславливается наличием социальной солидарности, способности социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам и самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений и противоречий. Обобщая, можно сказать, что социальная солидарность отражает степень связанности отдельных дифференцированных частей общества в целом, наличие дифференцированного бесконфликтного отношения между частями социальной системы. Применение этой характеристики для анализа обществ «ни войны ни мира» показывает, что они, как правило, являются примерами расколотых обществ. Анализируя армянское общество с точки зрения социальной солидарности, стоит вспомнить, что на протяжении долгого исторического периода фактор потери Родины и национальные традиции достаточно эффективно скрепляли армянство, формируя в нем высокую степень общественного согласия в отношении целей национального развития.

В период нового подъема национально-освободительного движения (1988 г.) и в первые годы независимости армянское общество также характеризовалось высоким уровнем консолидации вокруг разделяемой подавляющим большинством народа идеи воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией и защиты карабахских армян от насилия. Немаловажное значение для консолидации играло наличие источника внешней угрозы. Во многом благодаря такой консолидации армянскому обществу удалось выдержать невзгоды карабахской войны, транспортной блокады, землетрясения и радикальной смены общественных отношений. К социальным результатам консолидации следует отнести также предотвращение острого конфликта между интересами старой и новой элит, который неминуемо произошел бы, если бы старая элита, учитывая угрозу интересам нации, не самоустранилась и не отдала бы новой элите власть и арену принятия важных политических решений.

После заключения соглашения о прекращении огня в зоне карабахского конфликта и начала политических переговоров по разрешению карабахской проблемы значимость интегрирующего фактора безопасности ослабла. Вместе с тем обострилась конкуренция по поводу овладения ресурсами, властью и авторитетом между группами, принявших и не принявших участия в карабахской войне, четко

проявилась рассогласованность ожиданий групп, потерявших в войне - с одной стороны и обогатившихся в результате войны - с другой. Все эти факторы привели к ослаблению уровня социальной солидарности в армянском обществе. Отметим, что и сегодня угроза возобновления войны, а также беспокойство по поводу безопасности армян Нагорного Карабаха продолжают играть консолидирующую роль, однако это не решает проблемы социальной солидарности.

Период, когда тень прошлой войны еще не ушла, а перспективы будущего мира весьма смутны является благодатным для поддержания культа силы и насилия, для девальвации моральных ценностей и усиления ценностных разногласий. Такой ценностный катаклизм становится особенно зримым при социальных трансформациях, которые уже сами по себе социально дезориентируют человека. Известно, что практически во всех постсоветских странах скорость изменения ценностных систем опережала возможности ценностной ориентации и адаптации людей в новых условиях. Социологические исследования свидетельствуют о том, что во всех тех случаях, когда социальная трансформация несчастливо сопрягалась с ситуацией войны, девальвация моральных ценностей и конфликтное поведение приобретали особо зримые масштабы. В случае с Арменией роль сыграло и то, что энергия порожденная войной, в условиях отсутствия логического окончания войны, переместилась в само общество со всеми вытекающими последствиями.

В обществах «ни войны ни мира» обостряется проблема неравенства, трудно осваивается сама по себе идеология равенства прав. В условиях культа силы особую значимость приобретают группы демонстрирующие ее, принижается социальный статус мигрантов и беженцев. Обостряется проблема социального риска и безопасности, формируется комплекс незащищенности в собственной стране. Именно поэтому акцентирование экономических преимуществ мира не достаточно для развязывания тугого узла карабахского конфликта, Для этого требуются изменения социальных состояний и параметров, например, построение института доверия, культивация чувства безопасности, понимание и учет особенностей поведения социальных актеров в ситуации «ни войны ни мира».

Особенно важно понять логику поведения обществ конфликтующих стран, которые не будучи актерами за столом переговоров, обеспечивают там свое незримое присутствие и выступают скорее сдерживающим, осуждающим, чем стимулирующим фактором.

Таким образом, социологический анализ свидетельствует о том, что наряду со зримыми и хорошо известными геополитическими, военными, технократическими и историческими реалиями, существуют недостаточно исследованные социальные реалии, которые в не меньшей мере влияют на исход локальных этнополитических конфликтов, особенно на стадии их разрешения. С этой точки зрения можно утверждать, что ощущаемая сегодня тупиковость в вопросе о перспективах разрешения карабахского конфликта базируется также на недостаточности социальных предпосылок для мира. Учет этого факта и того, что общества стран, вовлеченных в карабахский конфликт находятся на фазе «ни войны ни мира» мог бы сформировать более реалистичные ожидания в отношении перспектив разрешения карабахского конфликта в ближайшем будущем и помочь понять пределы возможностей и даже судьбы предлагаемых действий.

Использованная литература:

1. Geller, Daniel S., J. David Singer. Nations at War: A Scientific Study of International Conflict. Cambridge University Press, 1998.
2. Pye, L.W. The Non-Western Political Process // Journal of Politics. № 3, 20.
3. Schwartz, Thomas and Kiron K. Skinner. The Myth of Democratic Peace // Orbis, Winter 2002.
4. Бурдые П. Социология политики. Москва: Socio-Logos, 1993.
5. Изменяющееся общество: группы риска // Журнал, № 1-2, 1998.
6. фон Клаузевиц К. О войне. М., 1990.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
8. Минасян С., Агаджанян М., Асатрян Э. Карабахский конфликт: беженцы, территории, безопасность. Ереван: Наири, 2005.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: АспектПресс, 1998.
10. Пределы власти. Приложение к журналу «Век XX и мир». Выпуски 1-4, 1994.
11. Зайдельман Р. Теории конфликтов и мира: концепции, подходы и методы // <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/seidelmann.htm>.

.....
:

Такие заглавия, как «Энергетические проекты на Кавказе и их влияние на политические процессы», часто встречаются в литературе и аналитических материалах, посвященных нашему региону. Они характерны для материалов зарубежных авторов, но и авторы, проживающие в нашем регионе, также нередко употребляют такую терминологию. При этом под термином «энергетические проекты» имеется в виду обычный стереотип западной литературы. «Энергетический проект на Кавказе» (как и везде в мире) - это проекты всяких трубопроводов, которые предназначены для того, чтобы качать энергоносители в западные страны. То есть это нечто, относящееся к энергетике стран Запада, а к энергетике собственно стран Южного Кавказа никакого или почти никакого отношения не имеющее.

В настоящей же работе сделана попытка свести воедино данные об энергетике самих стран региона. К тому же автор относится к числу тех, кто считает, что Южный Кавказ - это так или иначе единый регион, так что все аспекты безопасности, в том числе и энергетической безопасности стран региона, достаточно взаимосвязаны¹, а при благоприятном развитии событий могут стать еще более взаимосвязанными, благодаря чему безопасность каждой отдельной страны только выиграет. Так что, в данной работе сделана попытка оценить энергетическую безопасность не только каждой страны, но и всего региона Южного Кавказа, с учетом нынешних и возможных связей между ними.

Под «энергетической безопасностью» понимается, в общем, очевидная вещь: это когда каждый пользователь, каждый потребитель энергии может гарантированно снабжаться энергией в нужном ему количестве и нужного качества. При этом анализ ограничен наиболее важной сферой энергетики - электроэнергетикой, хотя многое нижесказанное относится и к другим сферам энергоснабжения, та-

¹ Вот элементарный пример. Если раньше для жителя Армении энергоснабжение Грузии явилось чем-то достаточно абстрактным, то за последние два года, когда, после некоторой стабилизации положения в Грузии, курортные зоны Черноморского побережья вновь стали привлекательными, проблема наличия там постоянного энергоснабжения уже стала напрямую касаться жителя Армении.